УДК 801.631.81’42 Анастасия Олимская

(Херсон)

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ

В СИНТАКСИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

У статті висвітлено дискусійні питання кореляції мовленнєвого жанру, мовленнєвого акту, композиційно-мовленнєвих форм та функціонального стилю. Обґрунтовано необхідність розроблення теорії композиційно-мовленнєвих форм.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, мовленнєвий акт, композиційно-мовленнєві форми, синтаксичний простір, синтаксична конструкція.

This article deals with the controversial points of the term correlation: speech genre, speech act, compositional and speech forms and functional style.

Key words: speech genre, speech act, compositional and speech forms, syntactic space, syntactic construction.

Постановка проблемы. В настоящее время в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы ведутся исследования по разработке когнитивно-поэтической теории речевых жанров с учетом литературно-жанровой природы произведения, его языковой материи, композиционно-речевой и семантико-стилистической архитектоники. При этом когнитивная поэтика интегрирует в себе традиционные подходы к изучению жанра, учитывая новые достижения когнитивной стилистики [1, с. 20]. Отсутствие единого категориального критерия осложняет теорию речевых жанров. Соединение нескольких критериев в исследованиях не придает выдвигаемым теориям целостной завершенности. На наш взгляд, решение этой проблемы возможно категориальным аппаратом когнитивной лингвопоэтики, что и определяет актуальность предлагаемого исследования.

Цель статьи – систематизировать научные взгляды на понятия «речевой жанр», «речевой акт», «композиционно-речевые формы», «функциональный стиль» и обосновать необходимость разработки теории композиционно-речевых форм на материале американской поэзии. Сформулированная цель предполагает решение следующих задач: 1) уточнить понятия «речевой жанр», «речевой акт», «композиционно-речевые формы», «функциональный стиль»; 2) обосновать необходимость разработки теории композиционно-речевых форм на материале американской поэзии.

Изложение основного материала исследования. На современном этапе развития лингвистики теорию речевых жанров еще нельзя считать терминологически устоявшейся, в то время как теория речевых актов уже четко выработала свой категориальный аппарат. В терминологическом аппарате современного языкознания отсутствует общепринятая формулировка термина «речевой жанр». Такое положение дел объясняется тем фактом, что «речевой жанр» выступает процессной формой, формой коммуникативного процесса. Под этим углом зрения («речевой жанр как процесс») исследования еще не велись. Как правило, коммуникативный процесс соотносят с коммуникантами, но¬сителями процесса, где речь и язык выступают как субстраты процесса, однако не сам процесс. Процесс коммуникации обусловлен целью и имеет свои собственные процессные структуры, свой менталь¬ный язык. Отсюда следует, что «речевой жанр» как форма

процесса опреде¬ляется в общих чертах как целесообразная форма и форма це¬лесообразности [6, с.46]. «Все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [3, с. 535].

Жанры всегда выступают средствами создания, порождения нового содержания, которое неотделимо от контекстуальных факторов социальной ситуации и формальных признаков. Формально-языковые черты жанров охватывают функциональную организацию жанрового содержания, текстовую композицию и языковые особенности, которые в совокупности формируют внутреннюю структуру (Ч. Фергюсон) жанра, служащая его формальным идентификатором. Внутренняя структура реализует текстообразующую функцию жанров, которая им присуща благодаря целостности и завершенности. Языковые признаки характеризуют языковой аспект жанра как его неотделимый компонент во всей своей совокупности, однако они не выступают жанрообразующими в отличие от социокоммуникативных факторов. Жанры обладают двойным онтологическим статусом: они одновременно являются идеальными и материальными (текстовыми) феноменами, жанрами-абстракциями и жанрами-реализациями, общими представлениями и объектами с конкретными характеристиками [13, с. 12].

Современное жанроведение характеризуется широкой проблематикой, которую генологи стремятся сузить методологическим подходом, аспектом жанровой организации или общественно-тематической или общественно-технологическими сферами. Исследования жанров по сферам их существования соответствуют бахтианскому видению неразрывной связи речевых жанров и средой человеческой деятельности и имеют целый ряд преимуществ, поскольку благодаря относительной социо-коммуникативной и семантико-тематической гомогенности речевых образований легче разработать адекватные исследовательские методы, сформировать целостный подход, выявить особенности жанров поэтических произведений [13, с. 13].

Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы [2, с. 238]. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных). М. М. Бахтин трактует речевые жанры як «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, с. 253]. «Речевые жанры организуют нашу речь практически таким же образом, как её организуют грамматические формы (синтаксические). Мы учимся отливать нашу речь в жанровые формы, и, услышав чужую речь, мы уже с первых слов угадываем его определенное композиционное построение, предугадываем конец, то есть с самого начала у нас складывается впечатление речового целого, которое в дальнейшем лишь дифференцируется в процессе речи» [2, с. 258].

М. М. Бахтин различает первичные (речевые) и вторичные (литературные) жанры. Первичные (простые) речевые жанры – это короткие реплики бытового ди¬алога, бытовой рассказ, письмо во всех его многообразных формах. Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные документы всякого рода, объемные публицисти¬ческие жанры и короткие военные стандартные команды, фельетоны, объявления, различные формы деловой пере¬писки, рецензии, очерки, аннотации, рефераты, реклама и т. п. Вторичные речевые жанры возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организо-ванного культурного общения, В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения [2, с. 240; 6, с. 71].

Итак, речевой жанр интерпретируется как апробированная, закрепленная традицией форма речевого воплощения функции практичес¬кого назначения содержания произведения, в жанрах реализуется цель высказывания и, соответственно, практическое назначение языка. Речевой жанр, взятый с точки зрения взаимо¬отношения человека и речевых средств, в процессе создания формы произведения представляет собой техническую форму языковой практики. Речевой жанр представляет собой идеаль¬ную схему протекания коммуникативно-речевого акта. М. Брандес уточняет, что речевые жанры – это не конкретные произведения, а динамическая структурная модель, которая может воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений. С этой точки зрения речевой жанр представляет собой технологическую форму, которая входит в состав механизма функци¬онирования произведения, превращающего языковую форму произведения в действующий «говорящий» язык [6, с. 47].

Коммуникативно-речевая деятельность осуществляется на двух уровнях – идеальном и материальном – с помощью орудий и средств идеального (ментального) и материального характера, являющихся необходимыми и обязательными моментами в строении любой деятельности [6, с. 71]. Орудие определяется как вещь, которую человек устанавливает между собой и предметом труда и которая служит для него в качестве проводника его воздействия на предмет через выполнение определенных действий и операций. В орудиях фиксируется общественно накопленный опыт, они выражают определенный уровень достигнутого знания, выполняют определенную функцию, т.е. применяются всегда ради достижения какой-либо цели. В отношение с целью они вступают не столько своим собственным содержанием, не столько своим собственным движением, сколько связью, соединяющей их с этой целью, в которой они служат и благодаря которой они и выступают как орудия. Вне целевого отношения вещь или знак не могут стать орудием. Орудия бывают двоякого рода: материальное (вещественные) и знаковые (идеальные), которые обслуживают соответственно предметную и когнитивную, сознательную деятельность [там же]. Текст создается с помощью знаковых орудий в процессе деятельности сознания, которое, согласно Л. С. Выготского, носит знаковый характер. Поэтому все формы, реализующие этот процесс, носят также знаковый характер. Орудийность знака не вписывается в представление о главной функции знака – функции замещения. Л.С. Выготский предугадал наметившийся только в настоящее время отход от трактовки знака как замещения и переход к рассмотрению знака в контексте целесообразной деятельности, как средства, способа выполнения того или иного процесса. Орудие, средство, способ передаются во внешней форме в виде предметного действия или в виде предметной внешней речи [6, с. 71].

Всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами. Всякое высказывание – устное и письменное, первичное и вторичное и в любой сфере речевого общения – индивидуально и потому может отразить индивидуальность

говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем [2, 241]. Органическая, неразрывная связь стиля с жанром ясно раскрывается и на проблеме языковых (или функциональных) стилей. Языковые, или функциональные, стили представляют собой не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы. Этим жанрам и соответствуют определенные стили. Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний. Стиль неразрывно связан с определенными тематическими единствами и с определенными композиционными единствами: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, к чужой речи и т. п.). Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания [2, с.242–243].

Ф. С. Бацевич отмечает, что отличия между теорией речевых актов и теорией речевых жанров являются иерархическими, то есть речевые жанры состоят из совокупности речевых актов. Речевые акты определяются как целеустремленное речевое действие, которое происходит в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единицы нормативного социоречевого поведения, принятые в определенном обществе, которые рассматриваются в пределах прагматической ситуации. Другими словами, речевые акты – это отдельные реплики в диалоге, которые имеют отдельное функциональное значение, функциональное действие и коммуникативную цель в конкретном коммуникативном контексте [5]. Трактование жанра в бахтианском духе фактически уравнивает жанры и речевые акты [12, с. 111].

Под композиционно-речевыми формами в самом общем виде понимаются сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие ее развитие и придающие ей целостность и законченность. С одной стороны, оформляя целые куски текста, композиционно-речевые формы реализуют композиционные особенности связных текстов, а с другой стороны, являясь законом организации языковых единиц, выступают как сложные синтаксические комплексы [6, с. 73]. Композиционно-речевые формы представляют собой типовые структуры, схемы повторяющихся формальных черт. Они являются системами языковых объединений, отвлеченными от конкретных проявлений речи, однородными формами словесной компози¬ции. Для каждой повторяющейся, эмпирически типичной формы существует какая-то идеальная форма, в которой ясно, в чистом виде выражен тип структуры. Тип превращает существенное в состояние наглядной и понятной реальности, упрощает сложное и запутанное. Речевые формы являются своеобразными целостностями, они характеризуются собственными качествами, которые не сводятся к качествам составляющих их предложений, а определяются структурной связью предложений. Именно структура придает этим целостностям устойчивую форму [6, с. 74]. Другими словами, композиционно-речевые формы – это повествование, рассуждение, объяснение, размышление, описание, виды – диалог, монолог, полилог, несобственно-прямая речь [6, с. 73]. В контексте нашей работы композиционно-речевая форма трактуется как единица синтаксического пространства, которая определяет его конфигурацию в тексте. Она содержит синтаксические конструкции разной формы (простые, усложненные и сложные) и речевые жанры: просьбы, приветствие, пояснение, аргумент, вопрос и т. д. Композиционно-речевые формы состоят из речевых жанров.

Следует отметить, что композиционно-речевая форма – это ментальная форма, ни в коем случае не языковая форма, хотя и получает в тексте словесное выражение. Это форма некоторой реальности, которую нужно понять в ее абсолютной независимости от языка, в языке она лишь представляется. Композиционно-речевые формы обладают собственными качествами, отличными от качеств представляющих их предложений/высказываний. Эти их собственные качества определяются типами внутритекстовой связи. К фундаментальным типам внутритекстовой связи относятся: соположение (пространственная связь), последовательность (временная связь), каузальность (причинная связь). Соответственно этим типовым видам связи и выделяются три типа композиционно-речевых форм: «описание» (пространственное соположение), «сообщение» (временное следование), «рассуждение» (связь логического развития) [6, с. 78].

Итак, каждая композиционно-речевая форма в орудийном аспекте выступает определенной знаковой системой, объективирующей определенную объективную связь и определенные функциональные отношения. Объективная связь преобразуется в композиционно-речевые формы в структуру, в определенную конструкцию: «соположение», «временное следование», «выводимость» (каузальное следование), а функциональные отношения – в семантический и прагматический функтивы. Семантический функтив – это потенциальное жанрово-функциональное свойство, прагматический (эстетический) функтив – функционально-стилевое свойство. Эти функтивы заложены в структуре композиционно-речевых форм. Структура композиционно-речевых форм как орудие диалектически связана с предметным содержанием, которое она предназначена обрабатывать. Поэтому при рассмотрении типовых речевых форм затрагивается вопрос и о предметном

содержании [6, с. 78].

В русле нашего исследования синтаксическое пространство поэтического текста рассматриваем как совокупность синтаксических конструкций, организованных посредством определенных синтаксических отношений и связей, что определяет особенности формирования типов композиционно-речевых форм и разновидностей речевых жанров в поэтическом тексте.

Термин «синтаксическая конструкция» трактуется по-разному в зависимости от критерия, который лежит в основе определения:

1. Структурный критерий: синтаксическая конструкция – это жесткое построение, имеющее определенное синтаксическое значение, оформленное синтаксическими связями, которые проявляются в различных формальных показателях [10, с.32]. Синтаксической конструкцией поэтического текста может выступать слово, словосочетание и даже предложение. Словосочетания и предложения выступают не только средством упорядочивания стихотворного текста, но и носителями значения, частичными знаками, которые полностью раскрывают свой смысловой потенциал в контексте художественного произведения [8, с. 282-283, 334]. В основе синтаксических конструкций лежат структурные схемы, которые отражают основные механизмы построения высказываний и демонстрируют средства, обслуживающие грамматические значения синтаксических единиц и их компонентов [10, с. 33; 7].

2. Семантический критерий: синтаксическая конструкция – это двустороннее когнитивно-семиотическое образование, инкорпорирующее значение и формальне средства его выражения [14, с. 497–498; 15, с. 83–84, 409]. Назначением синтаксической конструкции считается структурация и символизация содержания [15, с. 11–12]. В роли синтаксической конструкции

может выступать словосочетание или простые предложения, минимальные по своему составу, и комбинированные конструкции, например, сложные предложения с разными видами синтаксической связи, деепричастные обороты и т. п. Формирование синтаксических конструкций поэтического текста осуществляется в три этапа: перцепция, концептуализация (в ходе которых формируется означаемое) и семиотизация (в процессе которой значение семиотически репрезентируется в форме синтаксической конструкции поэтического текста [11, с. 84].

3. Функционально-коммуникативный критерий: синтаксическая конструкция характеризуется экспрессивностью. Экспрессивные конструкции употребляются преднамеренно, стилистически маркированы. По наличию подтекста синтаксические конструкции напоминают косвенные речевые акты. Существует функциональная связь экспрессивности с определенными синтаксическими конструкциями по типу взаимозависимости, взаимообусловленности и по типу функциональной смежности, соотносительности. Экспрессия на каждом из трех синтаксических уровней (конструктивном, коммуникативном и семантическом) может быть представлена с помощью определенных синтаксических средств [9].

На наш вигляд, исследование композиционно-речевых форм позволит выявить специфику жанрового ландшафта (термин Т. В. Яхонтовой [13, с.12]) американской поэзии.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Композиционно-речевая форма рассматривается нами как единица синтаксического пространства, которая определяет его конфигурацию в поэтическом тексте. Композиционно-речевая форма содержит синтаксические конструкции разной формы и семантики, репрезентирующие разные речевые жанры. Синтаксическое пространство американской поэзии представляет собой совокупность синтаксических конструкций, организованных посредством определенных синтаксических отношений и связей, что определяет особенности формирования типов композиционных речевых форм и разновидностей речевых жанров в поэтическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса [Электронный ресурс] / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3. – Т. 4. – Режим доступа : http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevyh-zhanrov-i-pragmatika-diskursa.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч.С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206. Комментарии – С. 535–555.

4. Бацевич Ф. С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Ф. С. Бацевич. – Львів: Паіс, 2005.

5. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб, и доп. – М. : Прогресс-Традиция ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

6. Беловольская Л. А. Синтаксис словосочетания и простого предложения / Л. А. Беловольская. – Таганрог, 2001. – 55 с.

7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.

9. Оковитая Ю. Ф. Экспрессивные синтаксические конструкции в языке рекламы: соотношение структуры и значения : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 – Русский язык / Оковитая Юлия Фаридовна. – Краснодар, 2004. – 143 с.

10. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2005. – 142 с.

11. Стрільчук А. В. Синтаксична організація текстів сучасної американської поезії: когнітивно-семіотичний та синергетичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 – Германські мови / Стрільчук Антоніна Вікторівна. – К., 2008. – 242 с.

12. Яхонтова Т. В. Лінгвістична генологія наукової комунікації: монографія / Т. В. Яхонтова. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – 420 с.

13. Яхонтова Т. В. Лінгвогенеалогія сучасної науки (на матеріалі англомовних текстів) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 – Германські мови / Т. В. Яхонтова. – К., 2014. – 38 с.

14. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 640 p.

15. Langacker R. The Foundations of Cognitive Grammar: Volume I: Theoretical Prerequisites / R. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1999. – 540 p.